

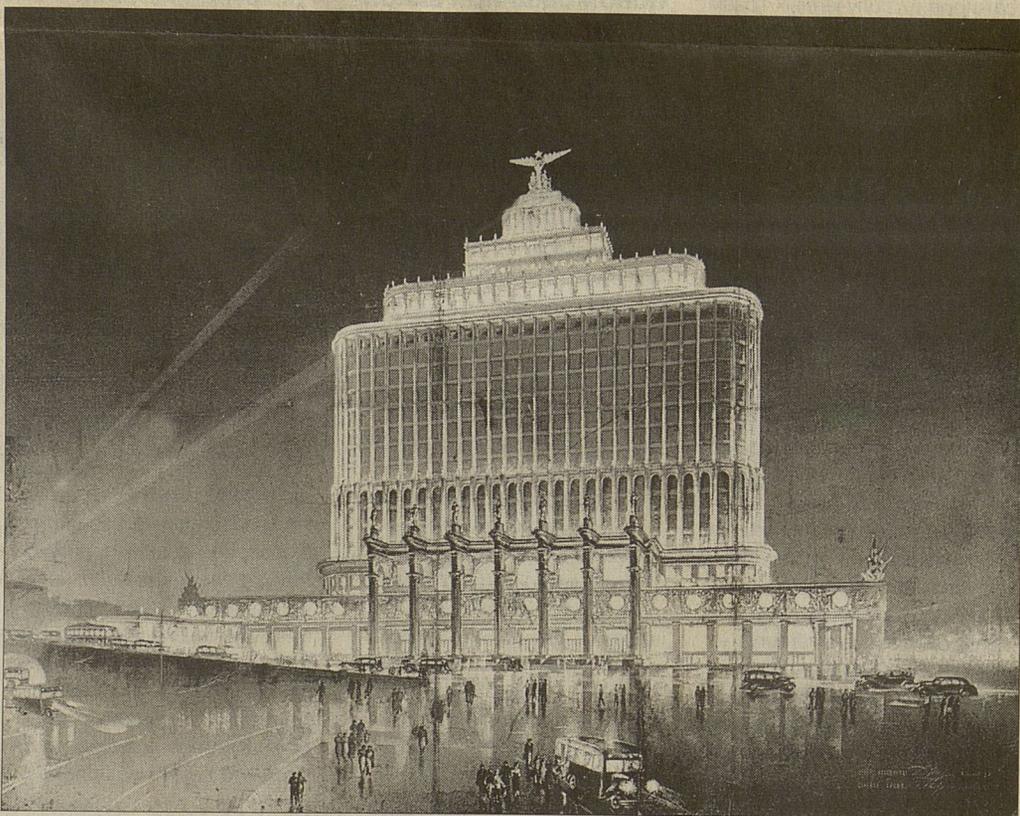
СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Архитекторы Власов и Чечулин знали, как надо. Но не могли

Николай Малинин

Можно сколько угодно спорить о достоинствах русской архитектуры после конструктивизма (и о том, есть ли они вообще), но очевидно то, что имен ее авторов никто не знает. Хотя все знают Крымский мост, Крещатик, Лужники (это Александр Власов), а равно – высотку на Котельнической, гостиницу «Россия» и уж, конечно, «Белый дом» (это Дмитрий Чечулин). Но все это архитектура, воплощавшая не авторское, а государственное начало, и стала она известной по неизбежности: попадая в выгодные места и просто потому, что ничего другого не было.

Едва ли мемориальные выставки в Музее архитектуры (Бурова, Посохина и только что открывшиеся – Власова с Чечулиным) преследуют цель «возвращать забытые имена» (их все равно не запомнят), а уж тем более – реабилитировать эту архитектуру (на Посохина адвокатов не напасешься). Это скорее выставки-провокации: вот какая у нас была плохая архитектура. И если выставка, скажем, Жолтовского позволяет говорить о трагедии (как власть ломала классику), то нынешние «столетники» (включая оставшегося без выставки Гегелло) лишены и этого сюжета.



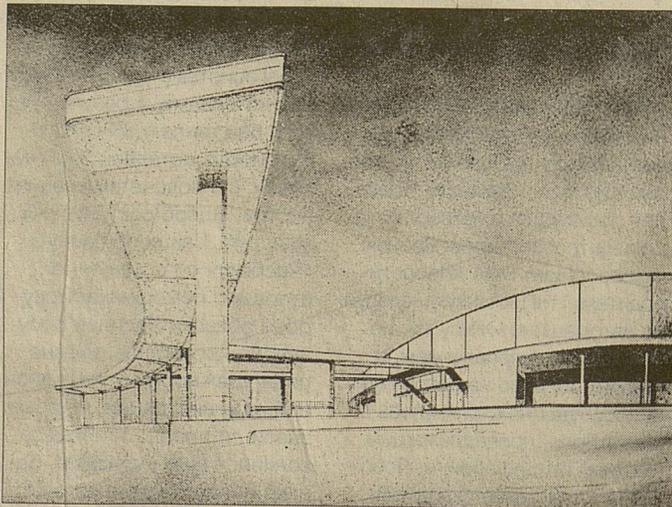
Этот дом благополучно символизировал всякую власть: в 30-е – сталинскую, в 70-е – брежневскую, в 90-е – ельцинскую.

Независимая. - 2002. - 26 янв. - с. 8.

Поражает, пожалуй, именно отсутствие стержня. Взять Чечулина. Наземный павильон метро «Динамо» – прекрасное ардеко, радиальные «Киевская» с «Комсомольской» – хороши, да и «Пекин», несостоявшаяся «высотка», при всех ее очевидных диспропорциях вполне держит площадь. Но вот та же рука сажает в Зарядье гроб «России». А перед этим на том же самом месте рисует восьмью «высотку». Пытается, конечно, как-то сдобрить углы параллелепипеда дополнительными объемами, но высотой все равно убивает все живое вокруг.

Единственное, что тут удивляет и впечатляет, – это рисун-

ки. Громадные перспективы, роскошные аксонометрии, едва не офорты. Иначе говоря – школа. Которую при всем желании в нынешних «трехмерках» не разглядеть. А созерцая эту предпроектную документацию, ловишь себя на странном ощущении, что все эти здания все-таки родственники той, старой, архитектуры. В них дремлет (и иногда просыпается) память: Палладио, Возрождение, Италия. Вот Власов проектирует ЦПКИО, а параллельно рисует (зачем?) эдакий романтический пейзаж: заросли, грот, руина. Вот его же проект Совнаркома в Зарядье: каре, из которого торчит восьмерик на четвери-



Вот как красиво заносило Власова в 1931 году (проект театра массовых действий в Харькове).

ке. Или проект театра Немировича-Данченко: ни дать ни взять – Дворец Дожей. А рядом – власовский рисунок, где это здание, которое так и не будет построено, предстает в той же степени обтерханности, что и вся Венеция. Из построенного – разве что Крещатик, где сталинская классика смягчена украинским акцентом. Эдакий амфир с фрикативным «гэ».

И у Чечулина (который, конечно, грубее и жестче Власова) есть проект Дворца Советов с аллюзиями на римский Сант-Анджело или проект интерьера кинотеатра, где стены кончаются колоннадами, а вместо потолка – сплошная синева. Правда, апелляции к Италии постепенно оборачиваются призраком Муссолини. Проект здания Управления Аэрофлота – уже чисто фашистская архитектура. И венчающая здание фигура с распростертыми крыльями иначе, как орел Третьего рейха, не воспринимается. Хотя чистота плоского объема со скругленными углами, сетка окон, сплошное остекление, шагающий колоннами на улицу портик, круглые окна – все это вполне по-американски. Чечулин оказался упрям: спустя сорок (!) лет дом был построен, но решительно испорчен стилобатом, призмами флигелей, пилончиками и белым цветом. Зато стал известен всему миру как наш «Белый дом».

Власов прожил на 20 лет меньше, но все время оглядывался по сторонам и что-то где-то прозревал. Вот проект театра в Харькове со вполне немейеровским куполом (это 1931 год). Вот три плоских цилиндра, расписанных по золотому фону чем-то таким фестивально-молодежным и накрытых плоской стеклянной крышей. Это проект Дворца Советов 1957 года, а выглядит просто как Норман Фостер. Или вот каркас Дворца Советов 1931 года: эдакий паук, что твой Грэг Линн.

И относился Власов к себе – что следует из представленного на выставке автошаржа – гораздо ироничнее. Самовар рядом, кошка на окне, майка в горошек, щетина – просто Зощенко какой-то. А Чечулин не стеснялся живописать свой ломящийся от яств новогодний стол 1947 года. И ни одного человека. У Зощенко и про это есть рассказ: как решил человек начать новую жизнь, созвал гостей, накрыл стол – и умер. ■

Чечулин Дмитрий

26.1.02